

Хуа Чжао одним духом добралась до ворот двора Фэйлю — здесь когда-то располагалось её жилище на Горе Цинлин.

Она подняла руку и, не задумываясь, словно по наитию, начертала в воздухе рунный ключ. Врата двора Фэйлю отворились, и Хуа Чжао вошла внутрь.

Пространственный карман для этого двора создал Хуа Лянмин. В отличие от аскетичного, пропитанного духом сельской пасторали жилища старейшины Хунбо, здесь всё было обустроено в духе того времени, когда Хуа Лянмин ещё считал себя богатым молодым господином: расписные балки, резные колонны, изящные беседки, возвышающиеся над водой, искусственные горы и цветники.

Невероятная роскошь.

В прошлой жизни Хуа Чжао терпеть не могла подобное убранство, особенно раздражало её то, что Хуа Лянмин держал во дворе множество «красавиц», которых он повсюду собирал, чтобы те служили горничными и помощницами.

Все они были обычными смертными, что прямо противоречило правилам горы, и в прошлой жизни Хуа Чжао не раз жаловалась на отца.

— Старшая госпожа. — Как только Хуа Чжао вошла, к ней подошла стройная, миловидная служанка-смертная и склонилась в поклоне.

Услышав это обращение спустя столько лет, Хуа Чжао, вопреки привычке, не взорвалась праведным гневом, а лишь улыбнулась красавице.

Ведь только под конец прошлой жизни она поняла: те, кого Хуа Лянмин собирал по всей округе, не были доказательством его распутства. Это были несчастные дети, которым некуда было идти. Хуа Лянмин приводил их на гору, давал кров и заботу на некоторое время, а как только находил им достойное место в жизни — отпускал.

Вот почему лица слуг здесь постоянно менялись.

Как же смешно было вспоминать, что когда-то именно это вызывало у неё такую неприязнь к отцу. Особенно её задевало, когда он заставлял этих смертных называть её старшей госпожой, — это было как удар по Обратной чешуе.

Ведь она жаждала стать небожительницей, хотела отринуть всё мирское и порвать связи с пылью земной. Хуа Лянмин сам не стремился к совершенствованию и любил, когда его называли господином, а она не желала быть какой-то пошлой старшей госпожой.

Но все прежние обиды и колючие противоречия теперь казались ей сладким, как виноград,

напоминанием о том, как прекрасно — жить заново.

Улыбнувшись служанке, Хуа Чжао направилась к своей комнате — более скромной, той, которую она намеренно отделила от покоев отца.

По пути она видела множество слуг, и все они почтительно кланялись ей. Раньше она и глазом не вела, проходя мимо, но сегодня каждому ответила приветливой улыбкой.

Добравшись до своего жилища, Хуа Чжао оглядела этот крошечный домик, так выбивавшийся из общего великолепия двора, и снова усмехнулась собственной юношеской глупости.

Имея всё для достойной жизни, она сама искала себе страданий. Её комната здесь была даже хуже, чем у тех смертных!

Разве так должна жить старшая госпожа?

Хуа Чжао решила: переезжаю!

Она переедет в те покои, которые Хуа Лянмин готовил для неё столько лет, а она даже не удосужилась их толком осмотреть.

Сказано — сделано. Она во весь голос позвала: «Сюда!», и в комнату тут же ввалилась толпа из семи-восьми человек.

Пока она командовала ими, приказывая собирать вещи, сама устроилась на подоконнике, лакомясь виноградом и любуясь тем, как золотое солнце медленно тонет в багряных облаках.

Но вскоре из комнаты донёсся визг: — А-а-а!

За ним последовал звук, похожий на яростный рык маленького зверя.

Одна из служанок, спотыкаясь, выбежала наружу, прижимая к себе одежду Хуа Чжао, а на её плече вцепилось что-то чёрное и пушистое.

— Спасите! — визжала служанка, пытаясь стряхнуть нечто со своего плеча, но окружающие не решались вмешаться, лишь боязливо поглядывали на Хуа Чжао у окна.

Это существо принадлежало старшей госпоже, и они боялись его поранить.

Хуа Чжао и сама застыла, не мигая глядя на чёрный комок на плече девушки.

Мгновение спустя она отложила виноград, и, мелькнув тенью, в одно мгновение оказалась рядом со служанкой, подхватывая на руки маленького зверька, который как раз пытался укусить девушку.

До боли знакомая мягкость заставила Хуа Чжао на миг усомниться, не сон ли это. Зверёк сначала дёрнулся, пытаясь вырваться, но, почуяв аромат Хуа Чжао, тут же затих.

Хуа Чжао опустила взгляд и увидела, что малыш тоже поднял голову. Его острая мордочка ткнулась ей в подбородок.

Холодный и влажный нос.

Хуа Чжао прижала зверька к себе, крепко обняла и почувствовала, как сердце заходится от восторга.

— Хэйцю? — прошептала она. — Куда же ты потом пропал!

Слёзы хлынули из глаз помимо её воли. Зверёк в её руках издал нежный, капризный звук, уткнувшись носом в её лицо.

— Оказывается, ты был со мной так давно... — сквозь слёзы пробормотала она. — Я даже забыла, каким крошечным ты был.

На руках у Хуа Чжао был тот самый чёрный лис, который сопровождал её в прошлой жизни более четырёхсот лет.

Хуа Чжао зарылась лицом в мягкую шёрстку Хэйцю и глубоко вдохнула.

С момента перерождения всё вокруг казалось ей туманным, зыбким, словно цветы в зеркале.

Это было похоже на прекрасный сон: друзья, с которыми она была в ссоре, стали ближе, наставник не страдал от демонов сердца, а родные были живы и здоровы.

Но только сейчас, когда она без стеснения уткнулась лицом в знакомую мягкость, она наконец осознала — всё это правда.

Хэйцю в её руках был подобен маяку посреди бушующего океана, якорем, за который могла зацепиться её качающаяся лодка.

Дело было не в том, что она любила близких меньше, чем лиса. Просто для Хуа Чжао родные, друзья, наставник и даже Ши Ушэ, которого она выбрала в этот раз, были чем-то из далёкого

прошлого.

В прошлой жизни они один за другим уходили из её мира, и некоторых она даже не успела проводить в последний путь.

Лишь этот маленький зверёк, скулящий сейчас у неё на руках, был тем, кто оставался с ней дольше всех, и тем, чьё тепло было ближе всего к моменту её перерождения.

Хуа Чжао смутно помнила, как однажды, исследуя Тайное царство, заблудилась в пещере, окутанной магическим туманом. Именно тогда появился Хэйцю и вывел её из Иллюзорного царства.

В тот раз она не нашла ни сокровищ, ни редких трав, а принесла домой только его.

Из-за того, что прошло так много времени, она уже не помнила, когда именно это случилось, но никак не ожидала, что Хэйцю был рядом с ней с самого начала.

Хэйцю не был духовным лисом, в нём не было ни капли духовной силы. Хотя он часто капризничал и обладал, казалось, недюжинным умом, внешне он не был похож на лису — скорее на собаку. В мире совершенствующихся было полно белых, рыжих и пятнистых лис, но чёрные встречались крайне редко.

Хуа Чжао помнила, что тогда взяла его с собой, опасаясь, что такое обычное существо в том Тайном царстве рано или поздно станет добычей демонических зверей.

Но так как она была «небожительницей» и не могла позволить себе привязываться к пустякам, поначалу она держала его у себя, но не проявляла особой теплоты.

Позже, когда её друзья и родные один за другим уходили из жизни, она скиталась по разным землям вместе с Се Фу, и Хэйцю всегда был рядом.

Он был единственной «слабостью», которую она позволяла себе показать миру.

В прошлой жизни Хуа Чжао скармливала ему огромное количество Пиллюль Преодоления Смертного, и он вырос в мощного зверя с лоснящейся шерстью. Его длина без учёта хвоста превышала девять чи — он занимал больше половины её кровати и был свирепее тигров и леопардов.

Хэйцю прожил с ней более четырёхсот лет, но перед тем, как она должна была приступить к Формированию Зарождающейся Души, внезапно исчез.

За все годы его жизни его не раз пытались украсть злоумышленники, да и сам он время от

времени убегал, но всегда возвращался, самое долгое — через месяц.

Лишь в тот последний раз он исчез на много месяцев. Когда Хуа Чжао потерпела неудачу в Формировании Зарождающейся Души и её тело с душой начали распадаться, у неё почти не осталось привязанностей к этому миру.

Под гнетом небесной кары она думала лишь об одном: если она умрёт, что будет с её Хэйцю, когда он вернётся?

Се Фу всегда недолюбливал лиса, называл его «маленькой тварью» прямо при ней. Станет ли он заботиться о нём ради неё?

Теперь, когда она не погибла от небесной молнии, а получила шанс прожить жизнь заново, обретя потерянное, как могла она не ликовать и не плакать от счастья?

Слуги хотели было подойти, чтобы успокоить её, но, вспомнив, как холодна была к ним старшая госпожа раньше, никто не решился сделать шаг. Она была небожителем, они — смертными, пропасть между ними была слишком велика, чтобы лишний раз открывать рот.

Впрочем, Хуа Чжао быстро взяла себя в руки. Это ведь радостное событие! В этот раз её Хэйцю не пропадёт, она будет беречь его и заботиться о нём!

Она вытерла слёзы о шёрстку лиса, подняла голову и улыбнулась. Только что она рыдала, а теперь уже сияла, словно солнце после ливня.

С лёгкой гнусавостью в голосе она обратилась к замершим слугам: — Заходите, продолжайте уборку. Это вы тронули мои вещи, а он их охранял, вот и напал. Теперь, когда я держу его на руках, всё будет в порядке.

Слуги вошли, а Хуа Чжао, прижав к себе Хэйцю, снова прислонилась к окну и протянула ему виноградину.

Как с собакой, она ласково цокнула языком, и Хэйцю послушно приподнял острую мордочку, открыв пасть, чтобы съесть угощение.

Хуа Чжао смотрела на него, улыбаясь, и поглаживала шерсть, которую сама же только что взъерошила.

Но когда её пальцы, словно гребень, дошли до основания хвоста, она замерла, и лицо её похолодело.

— Что это? — Хуа Чжао была настолько взволнована, что поначалу не заметила неладного. Но

теперь, увидев, что там, где должен быть хвост, — пустота, она почувствовала, будто в сердце вонзили нож.

Бессознательно она переняла властный тон Императрицы из прошлой жизни и холодно произнесла: — Ко мне!

Вскоре весь двор Фэйлю был в сборе. Хуа Чжао, не выпуская лиса из рук, спросила ровным, но тяжёлым голосом: — Кто отрубил хвост моему чёрному лису?

Смертные во дворе задрожали, как осенние листья. Хуа Чжао окинула их взглядом, не устраивая истерик и не прибегая к жестоким наказаниям.

Вместо этого она вытащила из пространственного кармана флакон с высококачественными пилюлями: — Это Пилюля Преодоления Смертного высшего качества, созданная старейшиной Медицинского павильона. Тому, кто скажет правду, я отдам её. А после того как он вступит на путь совершенствования, я порекомендую его в ученики к старейшине секты.

Все обитатели двора Фэйлю были одинокими и обездоленными людьми. Для них предложение Хуа Чжао было равносильно вознесению на небеса.

Они начали перешёптываться, отчаянно пытаясь вспомнить хоть что-то. Хуа Чжао терпеливо ждала.

Но в итоге никто так и не вышел вперёд с повинной, никто не стал оговаривать других.

Наконец, маленький слуга лет двенадцати-тринадцати робко сказал: — Я здесь уже три года, и с тех пор, как увидел его, у него уже не было хвоста...

Как только он закончил, кто-то ещё добавил: — Верно, я здесь пять лет, и тоже помню, что у чёрного лиса нет хвоста...

Таких голосов становилось всё больше. Хуа Чжао внимательно смотрела на каждого. Она умела разбираться в людях и была уверена: никто здесь не посмел бы ей лгать, а тем более — калечить её зверя.

Но она знала точно: она не сошла с ума и память ей не изменяет. У Хэйцю был хвост.

В прошлой жизни он всегда был при нём. Она проводила с ним дни и ночи, перебирала его хвост и лапы, знала каждый клочок шерсти. Она даже помнила, что на передней лапе и возле левого глаза у него были едва заметные на солнце красные волоски.

Почему же у Хэйцю в этой жизни нет хвоста?

Куда делся этот пушистый, огромный хвост, почти равный по размеру его телу?

Больше ничего выяснить не удалось: эти люди жили на горе не так долго, чтобы помнить всё в деталях.

Хуа Чжао решила, что, как только обустроится, спросит своего наставника, старейшину Хунбо. Она помнила, что когда принесла лиса из Тайного царства, старейшина, видя, как она к нему привязалась, не возражал против того, что Хэйцю — не духовный зверь, и даже поддерживал её желание заботиться о нём.

Сердце Хуа Чжао сжималось от жалости. Она продолжала гладить лиса по основанию хвоста, отпустила слуг и вместе со служанкой, которая закончила приводить в порядок её новую комнату, поднялась на второй этаж главного здания.

— Если бы ты только умел говорить, — бормотала она, поглаживая Хэйцю. — Я бы нашла того, кто отрубил тебе хвост, и сломала бы ему ноги в отместку!

— Ох, бедняжка, — она наклонилась и слегка прикусила ушко лиса, а затем похлопала по его обрубку.

Вспомнив что-то, она испуганно добавила: — А вдруг пострадал не только хвост? Дай-ка я посмотрю, всё ли остальное на месте!

Она уже мысленно назначила виновника чудовищным злодеем: раз отрубили хвост, могли и остальное отрезать!

Но когда она попыталась перевернуть лиса, чтобы осмотреть его, тот, видимо, окончательно потеряв терпение, с силой оттолкнулся задними лапами от её груди и, ловко спрыгнув, убежал.

Хуа Чжао охнула, схватившись за грудь, но когда служанка поспешила ей на помощь, она вдруг не выдержала и расхохоталась.

— Не убегай далеко, скоро ужин! Сегодня повар приготовит тебе жареную курицу! — крикнула она, опираясь на перила второго этажа и глядя на мелькнувшую внизу тень.

Хуа Чжао переехала в комнату, которая раньше казалась ей пошлой, а теперь — райскими чертогами.

Спальня, которую для неё обустроил Хуа Лянмин, была воплощением роскоши. Она превосходила покои любого знатного вельможи. Особенно ей приглянулась кровать с балдахином: она с восторгом проводила рукой по искусной резьбе, легла и покатилась, но так и не смогла докатиться до края.

Шкатулка с украшениями у изголовья была переполнена: глаза разбегались от обилия заколок, гребней и подвесок.

Хуа Чжао не особо любила всё это носить, но в прошлой жизни она стала Императрицей Юйсяо, и у неё было всё самое лучшее.

Оглядевшись, она поняла: отец не просто нанял кого-то, он сам в своих странствиях собирал эти лучшие вещи по разным странам.

Сердце Хуа Чжао сжалось от нежности, а когда на полке рядом со шкатулкой она увидела не вазы, а ряды стеклянных баночек со сладостями, эта нежность стала сладкой, как мёд.

Она открыла баночки одну за другой, пробуя конфеты, и суежилась, как счастливый хомячок.

Раньше она никогда не заходила в эту комнату, боясь, что стоит ей ступить сюда, как она погрязнет в мирской суете и потеряет достоинство «небожительницы».

Поэтому она и не знала, что её отец — этот «распутник», которого она не желала видеть на горе, — знал, что она любит сладкое.

Он собирал конфеты со всех концов света и прятал их в этой пустующей комнате. Он ни словом не обмолвился об этом. Неужели он надеялся, что его маленькая дочь, вспомнив об их родстве, когда-нибудь заглянет сюда?

Прижимая к себе баночку с конфетами, Хуа Чжао молча плакала, прислонившись к полке.

В этот раз — от счастья.

Она должна отправить весточку и вернуть Хуа Лянмина домой!

Она немедленно пойдёт к наставнику, чтобы отправить отцу весть с почтовой птицей!

Небо уже окончательно почернело, и вдоль каменных ступеней, ведущих по Горе Цинлин, одна за другой вспыхнули Лампады Вечного Света.

Великий массив, накрывающий гору, словно небесный купол, не закрывал звёзд и луны, не мешал летать птицам, но время от времени на нём вспыхивали алые руны, извиваясь, как драконы, и охраняя покой всей обители.

Хуа Чжао, всё ещё с покрасневшими от слёз глазами и слегка растрёпанными волосами, легко бежала по ступеням, приподняв подол платья.

Она была похожа на лесного кролика, бегущего в полночь — не от хищника, а просто стремящегося домой, где её так давно не было.

Она не использовала духовную силу, запыхалась, вся вспотела, но на душе было так легко, словно она летела на крыльях ветра.

Раньше она не просила вернуть отца, отчасти потому, что только переродилась и чувствовала себя чужой в этом мире, но главная причина заключалась в страхе перед возвращением в родные края.

В прошлой жизни она не успела проводить Хуа Лянмина в последний путь, и потом, просыпаясь в холодном поту, тысячи раз жалела об этом.

Она стала такой, какой мечтала, — Императрицей Юйсяо, почитаемой всеми «небожительницей», но в конце концов осталась ни с чем.

Хуа Чжао бежала, её ученическое платье развевалось на ветру. Она чувствовала себя мотыльком, у которого наконец выросли крылья: в этой жизни она готова была признать, что не станет прекрасной бабочкой, но зато сможет вволю броситься в пламя.

Жизнь так коротка.

Она боялась, что если замедлит хоть немного, то не успеет сгореть в этом ярком, долгожданном огне.

Впереди показался двор Бэйхун, где жил старейшина Хунбо. Хуа Чжао, широко улыбаясь, вихрем понеслась к нему.

Но в каком-то тёмном переулке её внезапно схватили за руку.

Хуа Чжао вскрикнула, повернула голову, и тут же ей закрыли рот.

— М-м-м! — она забилась, но человек, державший её, был бледен, а его привычная мягкая маска в этот момент словно треснула, обнажая истинные чувства.

Он потащил её в свой ученический двор. К концу пути Хуа Чжао перестала сопротивляться — это не театральное представление, да и страха она не испытывала.

Дверь захлопнулась. В комнате горел лишь один огонёк — не Лампада Вечного Света, а обычная свеча, которую так любила Хуа Чжао.

Она огляделась и перевела взгляд на высокую фигуру, замершую у дверей.

— Зачем ты притащил меня сюда? — первой спросила она.

Мужчина медленно повернулся. В тусклом свете свечи его и без того прекрасное лицо казалось окутанным дымкой, словно видение из сна.

Он стоял у дверей, уже без той жёсткости, что была в переулке. Он опирался на косяк, глядя на неё, и выглядел таким хрупким.

В сочетании с бледностью он напоминал орхидею, сломленную бурей, или бамбук, раздавленный стихией.

Он смотрел на неё, и прежде чем он успел вымолвить хоть слово, по его щекам покатились слёзы.

Плачущий небожитель.

Хуа Чжао была смертной, и даже глядя на это лицо сотни лет, она никогда не видела его таким беззащитным. На мгновение она замерла, ошеломлённая.

— Почему? — наконец произнёс он, и его голос, обычно ясный, как горный ручей, теперь звучал глухо.

— Чжао-Чжао, скажи мне, что я сделал не так? Почему ты так со мной? — с надрывом, почти плача, вопрошал он. Он сделал шаг и крепко, до боли, обнял её.

— Не надо... — прошептала она.

<http://bllate.org/book/22424/2354337>